

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

Приказа
отступать
не будет...

РАЗВЕДКА

41 ГО

НОЖНЫЙ ОЖОГ

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

ЮЖНЫЙ ОЖОГ

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Южный ожог / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2022 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-178640-3

Боевые романы о ежедневном подвиге советских фронтовых разведчиков. Поединок силы и духа, когда до переднего края врага всего несколько шагов. Подробности жестоких боев, о которых не рассказывают даже ветераны — участники тех событий. Фашисты наносят сокрушительный контрудар под Харьковом. Застигнутая врасплох Красная Армия вынуждена отступать с тяжелыми боями. На одном из участков разведчикам капитана Глеба Шубина приказано обеспечить коридор для выхода наших частей из окружения. Горстка бойцов долгое время успешно сдерживает вражескую армаду. Но силы неравные. В последний момент, потеряв практически всех своих товарищей, Шубин попадает в засаду. Понимая, что главную задачу его разведчики все-таки выполнили, капитан готовится с честью принять свой последний бой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178640-3

© Тамоников А. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Александрович Тамоников

Южный ожог

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава первая

18 февраля, 1943 г.

До Харькова осталось шестнадцать верст, о чем наглядно извещал валяющийся в кювете километровый знак. Кто-то заботливо счистил снег с таблички, чтобы можно было видеть написанное. «ГАЗ-64» с брезентовым тентом сделал вынужденную остановку. Машина была подержанной, часто ломалась. Двигатель заглох, издав перед кончиной душераздирающий скрежет. В шесть рук отогнали внедорожник к обочине, стали разбираться, в чем дело.

– Повезло, что не в бою сломались, товарищ капитан, – с виноватой улыбкой сообщил лейтенант Шендрик и забрался под капот.

Из двигателя струился дымок. Повезло – не то слово. Капитан Шубин, одетый в зимнюю шинель и ушанку, прошелся по обочине, закурил. Пощипывал морозец. Последний месяц зимы 43-го года выдался шадящим, что способствовало наступлению. Машина сломалась на выезде из небольшого поселка, разбросанного по равнине. Избы сельчан тонули под сугробами. На улице ни людей, ни животных. Только в нескольких хатах теплилась жизнь – вился дымок над печной трубой. За границей поселка, на дороге – метрах в семидесяти – контрольный пост. Ничего нового не выдумывали, использовали то, что осталось после немцев: шлагбаум, полосу будку с печкой. К обочине лепились утлые сараи. Полдюжины автоматчиков в коротких полушубках несли службу: равнодушно смотрели, как трое представителей комсостава ремонтируют «газик».

Навстречу проскрипела телега, запряженная старой кобылой: жители освобожденных районов занимались своими делами. Старичок в зипуне держал поводья и, казалось, спал. В гряде соломы, обнимая мешок со скарбом, сидела девчужка, исподлобья поглядывая на статного капитана. Красную армию встречали настороженно: полтора года под оккупацией не прошли даром. Мирное население тоже подвергалось гитлеровской пропаганде. Глеб Шубин подмигнул девчужке. «Аборигенка» смутилась, опустила глаза. Но опять посмотрела украдкой: капитан был молод, неплох собой, а круги под глазами и седину на висках можно было и не замечать.

Телега поравнялась с застрявшей машиной, старичок проснулся, стегнул клячу. Лошадка побежала резвее. Молодые офицеры провожали глазами повозку. Лейтенант Царьков увлекся, закашлялся, глотнув дыма. Засмеялся старший лейтенант Виталий Шендрик и быстро сделал серьезное лицо, перехватив строгий взгляд командира. Чернявый Гоша Царьков занял водительское место, попробовал завести мотор. Попытка провалилась. Двигатель крикнул, выдав облако дыма. Шендрик предусмотрительно отошел подальше. Царьков, надрывно кашляя, вывалился из машины, отбежал, словно она должна была взорваться.

– Хана корыту, товарищ капитан! – выкрикнул молодой лейтенант. – Истекло его время! Я, кстати, предупредил, что на этом рыдване далеко не уедем!

– Сейчас ваше время истечет. – Шубин скрипнул зубами. Ядовитое облако уже рассеялось. – Что уставились? Оба за работу! Царьков, ты же «мастер от бога» – кто хвастался? Чини мотор, не стой. Шендрик, помоги товарищу!

– Ага, сейчас все брошу... – заворчал Шендрик, но на всякий случай присоединился к товарищу. – Товарищ капитан, вы же знаете, что я тупой в технике, до армии обучался в кулинарном училище...

Сил уже не было смотреть на эту беспомощность. В душу закрадывалось опасение, что ночевать придется в заснеженном поле. Снова заскрипели гаечные ключи, Царьков покрикивал на Шендрика, не способного отличить отвертку от кусачек. Положение складывалось неважное. Впору догнать крестьянина на телеге и изъять его транспортное средство для нужд Красной армии. Но далеко ли уедешь на этой каракатице по холодку? Дорога была пуста – телега

свернула в поселок. Автоматчики на КПП потеряли интерес к происходящему. На помощь с их стороны рассчитывать не приходилось.

С востока показалась колонна – в Харьков шли цистерны с ГСМ. Машины двигались неспешно, колонна еще не втянулась в поселок. Движок окончательно доломали: он перестал издавать даже пугающие звуки. Гоша Царьков разводил руками. Он в самом деле предупредил, что отправляться в путь на этой штуке стоит только любителям приключений. С трагичным видом вздыхал Виталик Шендрик, рослый, с плутоватыми глазами.

– Ладно, забирайте вещмешки и ходу. – Шубин раздраженно махнул рукой. – Будем надеяться, мир не без добрых людей.

О чем переживать? Прилегающие к дороге территории завалены битой техникой – что русской, что немецкой. Одной машиной больше, одной меньше... Он забрал свой вещмешок у Гоши, забросил на плечо «ППШ» и зашагал по обочине. Подчиненные потянулись за ним. Гоша по инерции бубнил, что он не виноват, сделал все, что мог. Военные на КПП подобрались, на всякий случай приготовили оружие. На диверсантов эти трое не тянули, но кто их знает?

– Свои, – бросил Шубин, подходя к рослому сержанту. – Держи бумаги. – Он вынул из кармана шинели сложенные документы, сунул постовому.

– Ага, здоровья желаю, – кивнул тот и начал стягивать плотные рукавицы. На недостаток экипировки Красная армия уже не жаловалась, заводы в тылу работали на полную мощность. Неудобные шинели вытеснялись фуфайками – практичными, пригодными для любых условий.

– Куда направляетесь, товарищ капитан? – спросил сержант, листая бумаги.

– Там написано. Так и скажи, что читать лень. Следуем в Харьков, имея назначение о переводе в сто тридцать третью стрелковую дивизию сороковой армии. Представляем полковую разведку. Со мной мои люди, у них такие же документы.

– Хорошо, счастливого пути. – Сержант пожал плечами и вернул бумаги.

– Издеваешься? – вспыхнул Шубин. – Не видел, что с нами приключилось?

– Сочувствую, товарищ капитан. Но чем вам помочь? Взять на буксир и дотянуть до Харькова? Имеем собственные задачи. Попуток хватает, если что. Вон колонна идет, в нее подсаживайтесь. – Он кивнул на подходящие бензовозы. – Там охрана, всякие приبلудные – уж потеснятся. А нам их все равно останавливать.

Перспектива трястись в кузове не очень окрыляла. Дорога была разбита, на отдельных участках покрыта ледяной коркой, испещрена воронками от снарядов. В «газике» тоже было неуютно, но тент защищал от ветра. Колонна изрыгала гарь и грохот. Головная машина уже «подходила» – «полуторка» с охраной. За ней чадили четыре бензовоза, напоминавшие уменьшенные железнодорожные цистерны. Топливо Красной армии требовалось постоянно, перебои с горючим вызывали проблемы на фронтах. Заскрипели тормоза – водитель «полуторки» прерывисто выжимал педаль. Тормоза барахлили, машина останавливалась неохотно. Колонна замерла. Распахнулась дверца, прыгнул представитель комсостава и деловито зашагал на КПП.

– Туда идите, в хвост, – махнул сержант. – В любую машину садитесь – найдете место.

Выбора не было. Ждать у моря погоды – так себе перспектива.

– Пойдемте, товарищ капитан! – Гоша Царьков подтянул спадающий с плеча вещмешок. – По холодку доедем, зато в компании. Шестнадцать верст осталось, за полчаса осилим. А бойцы последят за нашей собственностью, чтобы ей ноги не приделали, – Гоша засмеялся.

А потом еще три часа плутать по Харьковку, который вряд ли переполнен жизнерадостными людьми и нарядными зданиями... Караульные потеряли интерес к троице, занялись капитаном из колонны. Шубин уже шагал, месил обувь рыхлый снег на обочине. За бензовозами следовали три бортовых грузовика. В первом было тесно от красноармейцев в куцых шинелях, вооруженных карабинами. Из кузова предпоследней машины тоже торчали головы.

У переднего борта теснились ящики с патронами – явно «попутный груз». В замыкающем автомобиле было сравнительно пусто.

– В хвост пойдем, – буркнул Царьков.

– Погоди. – Шендрик вскарабкался на колесо, завис над бортом. Потом обернулся, глаза у парня блестели. – Сюда, товарищ капитан, здесь неплохо...

Еще бы. Из кузова доносились женские голоса и смех. «Компания будет, – мысленно усмехнулся Глеб. – Душевно доедем. Если дуба не дадим на этом ветру».

– Здравия желаем, товарищ майор! – прокричал Шендрик. – Попутчиков берете? Куда направляетесь, девчата? В Харьков?

– Нет, в Киев, – пошутила женщина, и сидящие в кузове рассмеялись.

– Садитесь уже, – проворчал мужской голос. – Не виси, старлей, сдует.

Машина дернулась, и все трое покатались в кузов под дружный девичий смех. Шубин привалился к заднему борту. Машина тряслась, гуляли борта, подняться было невозможно. Офицеры расплзлись кто куда, Виталик как-то ненавязчиво оказался под боком у миловидной курносой девчухи с медицинской сумкой на коленях, сразу полез знакомиться. Девчуха попалась смешливая, потешно морщила носик, стреляла глазками. Гоша Царьков вел себя скромнее, в основном молчал, но улыбался до ушей. Перед глазами громоздились ящики с патронами, заслоня обзор. От пола холодило, но это состояние было привычным. Организм прошел закалку, с равным успехом переносил жару и холод. Февраль выдался мягким, но осторожность не мешала. Воспаления легких никто не отменял, эту хворь подхватывали даже закаленные. Месяц все же зимний, а Харьков – та же Россия, хотя и числится почему-то за Украинской ССР...

В кузове до их появления находились шестеро. Две женщины – одна совсем молодая, курносая, другая постарше, черненькая, с вытянутым лицом и немного выпуклыми глазами. В петличках у брюнетки красовались два треугольника – младший сержант медицинской службы. Ее курносая подруга таких высот в воинской карьере не достигла, но званием ефрейтора могла похвастаться. В машине также присутствовал майор-артиллерист средних лет, бледный неразговорчивый капитан с перевязанной рукой, два сержанта-связиста. Один был совсем юн – просто мальчишка, другой успел пожить, отрастить седые усы. Бороться со сном надо было решительно. Шубин завозился, вытянул шею. Впереди катила машина с красноармейцами, люди в касках клевали носами, обнимая карабины. Чуть дальше маячили бензовозы. Дорога тянулась прямой лентой. В кюветах валялась сгоревшая техника: советские полуторки и бронетранспортеры, немецкие вездеходы, «кюбельвагены». Обгоревшие трупы еще не убирали, их припорошило снегом. Проплывали заснеженные поля – бывшие сельскохозяйственные угодья, перелески, мелкие населенные пункты.

– Откуда путь держите, мужики? – спросил майор. У него было что-то с голосом – слова выдавливались с трудом, будто горло обложили наждаком.

– Из Сталинграда, товарищ майор, – отозвался Глеб. – Полковая разведка, переведены в Харьков, на Воронежский фронт, в связи с расформированием прежней части. Машина сломалась, пришлось потеснить вас.

Он поймал на себе заинтересованный взгляд темноволосой девушки. Смуцаться та не стала, вяло улыбнулась и уставилась в пространство. В ней не было ничего особенного (хотя в лице угадывалось нечто своеобразное), да и какие, к черту, женщины? В минуты покоя перед глазами вставала Катя Измайлова, с которой он простился четыре дня назад, и менять образ в голове решительно не хотелось.

– Серьезно? – удивился майор. – Да уж, Сталинград – это мощно... Жарко там было, капитан?

– Не то слово, товарищ майор. Холод зверский, ветер продувает насквозь... А все равно жарко. Зато колечко красивое смастерили. – Шубин улыбнулся. – А в колечке тридцать дивизий.

Засмеялась курносая санинструктор. Ее подруга продолжала невзначай разглядывать Шубина. В глубине карих глаз поблескивало что-то ироничное.

– Это точно, – крикнул майор. – Жалко, что лично не поиграл колечком. Пишут, десятки тысяч повозок собрали, чтобы вывезти из города всех пленных.

– Не читал, – улыбнулся Глеб. – Но растерянность в наших рядах точно была. Единственный раз за всю битву – когда увидели, сколько пленных взяли. Их же надо перевозить, кормить, поить, охранять... Словом, ситуация тяжелая и почти безвыходная. Впрочем, Гитлеру бы такие проблемы.

Пассажиры засмеялись. Даже бледнолицый капитан изобразил подобие улыбки и поморщился от боли в простреленной руке.

– Может, вы и Паулюса видели? – спросила курносая.

– Может, и видел, – допустил Шубин. – Может, и лично выводил из берлоги под белы рученьки.

Шутка понравилась, народ улыбался. Знали бы они, что это не шутка. Царьков и Шендрик тактично помалкивали. Уж эти знали. Но стоит ли бахвалиться, если все равно не поверят? Разведчики не рыбаки, хвастаться уловом не приучены.

– Загибашь, парень, – добродушно пробурчал майор. – Эх, не удалось нашему полку по Сталинграду погулять. Ничего, по Харькову погуляем. Еще и по Крещатику пройдемся, по Варшаве... Что там дальше?

– А дальше, собственно, Берлин, товарищ майор, – подал голос безусый паренек. – Если не будем размениваться на мелкие городки вроде Кракова или Дрездена. Боюсь, товарищ майор, мы все в Берлин не поместимся, он же не резиновый, право слово...

Народ оживился, выражал одобрение «устам младенца». Похоже, паренек записался в армию прямо со школьной скамьи, не успел забыть, чему учили.

– А вы женаты, товарищ капитан? – спросила курносая. – Меня Оксаной зовут. А это Ида Левторович – подруга и боевой товарищ. Она из Ленинграда, а я из Костромской области.

– Товарищ капитан женат, – быстро вставил Шендрик, украдкой подмигнув командиру. – А ваш покорный слуга – нет...

Загадочно улыбнулась брюнетка, мазнула взглядом незнакомого (но явно героического) капитана.

Продолжалась монотонная езда. Километра четыре с горем пополам одолели. Колонна тянулась еле-еле, тяжелые машины объезжали препятствия и подозрительные участки. Оксана стала ежиться.

– Холодно-то как, мамочка... Быстрее бы уж весна...

– Весна – это плохо, – рассудительно изрек безусый парень. – Дороги раскиснут, начнется распутица. Машины не пройдут, и тогда наступление замедлится, придется ждать лета.

– Молодец, школяр, – хрипло засмеялся майор-артиллерист. – Правильно понимаешь текущий момент и причину наших энергичных действий на Харьковщине.

– Все равно холодно, – протянула Оксана. – И согреть некому...

Встрепенулся Виталик Шендрик, пристроился к девице под бочок и стал ей что-то втирать – видимо, предлагал поработать печкой. Оксана хихикала, потешно морщила нос. Виталик полностью ликвидировал дистанцию. Девушка нахмурилась, но отодвигаться не стала. Беседа угасла. Люди ежились, боролись со сном. Виталик был в своем репертуаре. Не имело смысла знакомиться, общаться. Еще десяток верст, и дорожки разойдутся. Колонна направится по своим делам, а группа Шубина приступит к поискам штаба 133-й дивизии, затерянного в

городских кварталах. Впрочем, на приближение городских окраин пока ничто не указывало. За бортом бежали поля и перелески. Небо затянули свинцовые тучи.

Шубин закрыл глаза, потекли воспоминания, перемежаемые значимыми для страны событиями. Разгром под Сталинградом 6-й армии Паулюса вызвал небывалый подъем боевого духа и... преждевременной уверенности в своих силах. Рассматривались только наступательные действия. Немецкие войска откатывались на запад, серьезного сопротивления не оказывали. Считалось, что Красная армия способна проводить успешные наступления. Взятие города Харькова становился навязчивой идеей советского руководства. Дважды его пытались отбить – в январе и мае 42-го – и всякий раз терпели неудачу. Разрабатывались планы: окружить и ликвидировать южную группировку вермахта или оттеснить к Азовскому и Черному морям. Ситуация казалась благоприятной. Уничтожить неприятеля в междуречье Северского Донца и Днепра, освободить Донбасс, выйти к Днепру в районе Запорожья. Два фронта практически одновременно перешли в наступление – Воронежский и Юго-Западный. На харьковском направлении упорно сопротивлялась армейская группа «Ланц». Но немцы уступали в численности солдат – советские генералы создали на этом участке пятикратный перевес в живой силе. Пал Купянск, войска форсировали реку Оскол, вышли к Северскому Донцу, взяли Изюм, Балаклею. Воронежский фронт наступал через Курск и Белгород. Освободили Волчанск, и танковые группы командующего Рыбалко устремились к Харькову. Отчаянно сопротивлялась гренадерская дивизия СС «Рейх» и даже остановила наступление. Но приказ из Ставки был неумолим: только вперед, невзирая на потери и отставшие обозы. Операцию закончить до весенней распутицы! Пехота гибла под артиллерийским огнем, замерзала в траншеях. Северский Донец наконец форсировали и к десятому февраля заняли Чугуев. Операция развивалась, Харьков фактически оказался в окружении. Передовые части ворвались в город с юга, работали кавалерийские корпуса. Над вражеской группировкой нависла реальная угроза. Фюрер в Берлине топал ногами, приказывал держать город до последнего. Но Ланц не подчинился, оттянул войска, пока их не заперли в котле. Манштейн справедливо считал, что город не удержать, нужно отходить на запад и на юг, к морю. Воронежский фронт успешно атаковал Харьков, войска Юго-Западного фронта шли южнее – к Запорожью. Харьков брали с трех сторон. Окопавшиеся в нем дивизии СС «Рейх» и «Адольф Гитлер» оказались бессильны что-либо сделать. Бои уже шли на окраинах. Ланц приказал отходить. Повторения Сталинграда руководство СС не хотело. К вечеру пятнадцатого февраля город очистили от противника. В Харьков входили потрепанные танковые и пехотные дивизии. Войска понесли огромные потери, людей шатало от усталости. Но победные репортажи уже неслись в Ставку...

Сегодня настало восемнадцатое. Крупнейший на Украине промышленный город уже три дня находился в руках Красной армии. Наступление по инерции продолжалось. Взяли Ахтырку к западу от Харькова и там остановились. Юго-Западный фронт вел наступление по центральной и южной Украине. Армия Манштейна отходила, впереди заманчиво поблескивал Днепр...

Рокот усилился – незнакомая машина шла на обгон, и водитель явно пережимал газ. Шубин очнулся, завертел головой. Грузовик оказался практически вровень с ним. Вытянув руку, можно было коснуться его борта. «Полуторка» не имела отношения к топливному конвою. Она догнала колонну, какое-то время тащилась в хвосте. Потом водителю надоело плестись в конце колонны, и он рискнул пойти на обгон. Машина тряслась по встречной полосе, уходила в отрыв. Рядом с водителем сидел молодой старлей с каким-то каменным лицом. Он не смотрел по сторонам, его губы были поджаты. В кузове находилось отделение автоматчиков. Мест хватало, люди развались покуривали. Одеты во все новое: легкие франтоватые полушубки, светлые ушанки из овчины. Кто-то, лениво повернув голову, смерил капитана разведки равнодушным взглядом. Привстал Виталик, приветливо помахал бойцам. Двое отозвались, изобразив вялые улыбки. «Малахольные какие-то», – подумал Глеб. Он невольно насто- рожился – военная профессия обязывала. Уж больно чистые, в новенькой форме, вооружены

по первому слову, да и с эмоциями на лицах небогато. Сколько подобных подразделений он перевидал в тылу и на полях сражений: забрасывают к нам переодетых диверсантов, и те терроризируют тылы – взрывают склады и мосты, уничтожают командный состав Красной армии. И, что характерно, они отлично подготовлены и мотивированы.

Возможно, он заблуждался. Но рефлекс сработал. «Полуторка» медленно уходила по встрече. Широко зевнул боец с откормленным круглым лицом и выпуклым шрамом под нижней губой.

– Ребята, вы откуда? – выкрикнул Глеб.

Тот, что зевал, насторожился, повертел головой, видимо, выбыл из реальности. На лице возникло недовольное выражение. Но он ответил:

– Из НКВД мы, товарищ капитан! Охрана тыла действующей армии! В Харьков едем! А вот с какой целью, вам лучше у старшего лейтенанта спросить, если вам это надо, конечно!

– И если машину остановите! – засмеялся сидящий рядом с ним обладатель квадратной челюсти.

Подозрения усилились. Боец прав, невозможно остановить колонну, да еще эту чертову «полуторку»! А если начнут стрелять? Всех положат, а рядом бензовозы, по горловину залитые топливом... Шендрик тоже насторожился, исподлобья смотрел на уходящую «полуторку». Встрепенулся Царьков, получив какой-то мысленный посыл, закрутил головой. Остальные ничего не замечали, народ дремал, боролся с холодом. Водитель чужой машины прибавил скорость – обгонять колонну предстояло долго. Шубин расслабился – не стоит брать в голову грузовик и его пассажиров, это могли быть обычные солдаты войск НКВД. В боях они практически не участвовали, что-то охраняли, кого-то конвоировали и, понятно, не худели от такой жизни...

Внезапно что-то произошло. Зашумели бойцы НКВД, особенно те, что смотрели вперед. Водитель начал сбавлять скорость. Шубин перегнулся через борт – только так он мог что-то видеть. Ничего серьезного: навстречу двигался гужевой обоз, похоже, с ранеными. И если бы водитель не остановился, пришлось бы протаранить повозки. Шофер надавил на клаксон, требуя впустить его в колонну.

– Еще чего, – проворчал майор-артиллерист. Он тоже оживился, привстал. – Пусть тормозит и в хвост встает.

Но водитель грузовика сжалился, сбросил скорость, машина НКВД въехала в образовавшееся пространство. Теперь она находилась между «полуторками» конвоя. Не лучшая ситуация, но так вышло. Впрочем, поведение бойцов в кузове беспокойства не вызывало. Они отдыхали как ни в чем не бывало, лениво переговаривались. Беседа шла на русском – по губам явно читались матерки. Через минуту обоз поравнялся с головной машиной колонны. Возницы в фуфайках понукали лошадей. В повозках лежали и сидели раненые с забинтованными головами, конечностями. Одни в шинелях, другие в телогрейках. Обоз был небольшой – четыре повозки. Снова стало интересно, что происходит на дороге, и Шубин перегнулся через борт. Санитарный обоз приближался к машине, в которой ехал Глеб. Раненые мерно покачивались в такт движению. Первая повозка проследовала мимо, поравнялась с замыкающей машиной.

– Братцы, счастливые, в тыл едете! – прокричал кто-то в последней машине. – Девчонкам привет передавайте от доблестных бойцов сороковой армии!

Раненые практически не реагировали. Только один из них поднял голову, еле заметно кивнул.

«Странно, – подумал Глеб. – Головы обвязаны, а крови под бинтами нет. Вообще ни у кого! Как такое возможно? И почему обоз направляется из Харькова, а не в Харьков, где находятся все лечебные заведения? – Словно туман наплыл, какая-то липкая муть заволокла сознание, потерялась резкость. – Что за черт? А при чем тут бойцы НКВД в соседней машине? Да ни при чем, обычные бойцы!»

Во второй телеге сидел мужчина с перевязанной рукой – жилистый, горбоносый, с выпирающими скулами. Взгляд субъекта скользнул по капитану разведки, побежал дальше. Глаза у него были холодные, лицо ничего не выражало. Мелькнула мысль, что он не больно-то похож на славянина. Но это были только цветочки. Правая рука мужчины поползла под солому, что-то ухватила. Блеснула затворная рама. Автомат «МР-40»! Вытянул руку еще один боец – у него была забинтована нога. Только странно забинтована – бинт намотали поверх штанины. Он вытянул из соломы гранату-«колотушку» с длинной деревянной рукояткой. Колпачок уже был снят, шелковый шнурок неприкаянно болтался... Все произошло мгновенно, весь обоз по невидимому знаку пришел в движение, «раненые» повернулись. В руках у них были отнюдь не костыли...

– Все из машины!!! – нечеловеческим голосом взревел Глеб.

Как поздно, черт возьми! А ведь мог и раньше догадаться! Шквал огня ударил по бортам грузовых машин. Цель маскарада была ясна: внезапным огнем отсечь охрану, а потом расправиться с бензовозами. Но об этом не время думать... Кто-то еще поднимался, кашлял ошеломленный майор-артиллерист. Ползла на корточках Ида Левторович. Продолжая кричать, Глеб схватил ее за шиворот, перебросил через борт. Женщина кричала от боли и страха. Она за что-то зацепилась, но в итоге упала под колеса.

Шубин перекатился через разболтанный борт, плюхнулся в грязь, перемешанную со снегом. Заныли отбитые ребра. Кто-то спрыгивал с машины рядом с ним, кто-то не успел спрыгнуть. Кричал народ в соседних машинах, хлопали выстрелы, трещали очереди. Граната влетела в кузов в тот момент, когда Шубин катился в придорожную канаву, заполненную рыхлым снегом. Разлетелись борта, обломок доски ударил по ноге, но крупного ущерба не причинил. В голове будто взорвался фугас. Заложило уши, и было странно наблюдать, как бежит, увязая в снегу, беззвучно разевает рот водитель «полуторки». Пули рвали фуфайку, он извивался, продолжая беззвучно кричать. А потом словно лопнул защитный экран: в голову ворвались оглушительный треск, взрывы. Глеб лежал в канаве, сжимая «ППШ» – надо же, не потерял! Рядом копошилась женщина. Он выкопал из-под снега Иду: девушка жалобно стонала, подтягивая под себя ноги. Фуфайка на боку промокла от крови, девушка получила пулю или осколок. Она вдруг энергично задергалась, поднялась на колени. Возможно, рана была неопасной. Капитан схватил девушку за руку, повалил.

– Можешь ходить?

– Не знаю... – В карих глазах теснилась боль. Лицо исказилось. Девушка не спрашивала, с чего они вдруг перешли на «ты». Внезапно Ида встрепенулась. – Что с Оксаной? – спросила она и закричала, сделав неловкое движение.

Она снова попыталась подняться, Глеб толкнул ее на землю, закричал, чтобы не вставала. Грузовик был раскурочен, и лучше не думать о том, что случилось с Оксаной. С разбитого кузова стекала кровь... Он кричал, чтобы Ида ползла к лесополосе, ни в коем случае не поднималась, если хочет жить. Девушка ползла, оставляя на снегу бурые пятна, держалась за пострадавшее место ладонью и скулила. Пули выли над головой, орали люди. Шубин выкатился из канавы, пополз, съехал в какую-то ямку. Замыкающий грузовик горел. Кузов разнесло, из кабины вырывалось пламя. Под колесами лежали несколько тел. Бойцам НКВД особенно не повезло: не в том месте и не в то время оказались. Граната (возможно, и не одна) прилетела в кузов, убив кучу людей. Но несколько человек успели спрыгнуть, теперь они лежали под колесами, отстреливаясь. Еще двое ползли по снегу тем же курсом, что и Шубин. До спасительных деревьев оставалось семьдесят метров. Но не добраться – все открытое пространство простреливалось. Четвертому от хвоста грузовику не подфартило, как и всем предыдущим. В нем находилась охрана. Спасшиеся были, но немного. Они вели огонь, сдерживая напор «раненых». Участники маскарада оказались шустрými, они уже избавились от своих бинтов,

засели в водосточной канаве на противоположной стороне дороги, вели огонь. Но переходить в атаку не спешили – зачем?

Что-то просвистело – взорвалась мина в голове вставшей колонны. «Почему они встали? – мелькнула мысль. – Хотя достаточно одной пули, чтобы подстрелить водителя головной машины...»

Взрыв прогремел рядом с бензовозами. Вторая мина угодила точно в цель. Затем рванули еще несколько. Огонь вели из противоположного леска. Сверхнаглость! Это глубокий советский тыл! Теоретически минометы могли провезти в кузове машины. Но это вряд ли. Аксию спланировали, диверсанты проникли в тыл, разделились. О колонне знали. Часть группы изображала раненых, другая засела в леске, а минометы схоронили заранее или захватили советскую батарею, о чем в сводках пока не значилось... Бензовозы пылали как стога сена, распространяя удушливый дым. Зрелище было величественное, страшное. Колонну разгромили в считанные минуты, оставив часть войск без горючего, что делало бессмысленными попытки продолжать наступление...

Но выжившие были. Несколько человек перекатились через канаву, бросились к лесу. Один из них пробежал мимо Шубина. Парень был блее мела, потерял шапку, но голова работала – упал в снег, прежде чем над ним засвистели пули. Шубин обернулся. Ида еще ползла, оставляя за собой кровавую дорожку, голову не поднимала. Ничего, выживет, главное не затянуть с перевязкой и доставкой в лечебное учреждение... Справа перебежали трое, нырнули в снег. Двое возникли слева – они ползли, тяжело дыша. За раскуроченными грузовиками объявились вооруженные люди. Те самые, «раненые». Вся компания вырядилась в советские фуфайки. И как их отличать от своих? Они выглядели из-за разбитой техники, били короткими очередями, прятались. Диверсанты скалились, смеялись, выкрикивали что-то уничижительное. Залегшие в поле ответили дружным огнем. Шубин тоже стрелял. Выпал из-за капота диверсант с застывшей ухмылкой на небритой роже. Другой (он даже повязку не снял с головы) выбежал, поливая все вокруг огнем. Пули пригвоздили его к бамперу. Мертвое тело сползло под колеса. Остальные не лезли, вели огонь из укрытий. Ойкнул боец, лежащий в снегу, схватился за простреленную ключицу, перекатился на спину и замер, устремив тоскливый взор в небо. Над горящими бензовозами завис густой дым. В дыму еще кто-то шевелился, пытался ползти. В колонне произошел взрыв, сноп пламени взвился в небо.

Распахнулась простреленная пулями дверца грузовика, на котором ехали бойцы НКВД. С подножки сполз молодой старлей с перекошенным лицом. Шубин видел его, когда тот проезжал мимо. Человека было не узнать: лицо превратилось в страшную маску. В районе живота расплылось черное пятно. Ранение было тяжелым, но офицер еще не умер. Он опустился на корточки, сполз в канаву. Было слышно, как он кричит от боли. Потом он начал выползать из канавы. Пули рыли снег рядом с его рукой. Сил не осталось, и человек сполз на дно канавы. Высунулась рука с «люгером», стрелок прицелился в затылок старлею. Внезапно оживило одно из тел, лежащих на обочине! Шубин узнал его – широколицый товарищ со шрамом под губой! «ППШ», который он держал под животом, выплюнул несколько пуль. Рука с пистолетом убралась, мертвое тело рухнуло под колеса. Боец швырнул гранату. Она перелетела через искореженный кузов, рванула и явно кого-то зацепила, судя по крикам. Боец, невзирая на крупные габариты, оказался живчиком – сделал прыжок и покатился в канаву, где лежал его командир. Дела там были плохи, он выкрикнул из канавы:

– Братцы, Ломов мертв! У него дыра в животе – кулак проходит!

– Лева, давай к нам! – прокричали с поля. – Прикроем!

Идея была не из лучших. Озлобленный противник скапливался за машинами. Полетел ответ в виде «колотушки», она проделала дугу, но боец почувал опасность, рухнул ничком, заткнув уши. Граната упала там, где находился мертвый старлей. Казалось, и от Левы мокрого места не останется. Бойцы возмущенно загалдели. Но, к изумлению собравшихся, боец пульей

вылетел из канавы, помчался зигзагами, делая широкие прыжки. Он пробежал под огнем метров двадцать – лицо раскраснелось, глаза горели каким-то сумасшедшим огнем, – потом упал, покатился как бревно, продавливая снег. С дороги прицельно били, но зря старались. Он снова подлетел, побежал, петляя как заяц, перепрыгнул через Шубина и снова покатился. Когда Глеб обернулся, тот лежал в нескольких метрах от него и дышал как загнанная лошадь, явно имея желание себя ощупать.

– Молодец, – похвалил Глеб. – Твоя фамилия, случаем, не Попрыгунчик?

– Почти, товарищ капитан, – выдохнул красноармеец. – Прыгунов моя фамилия... Сержант Лев Прыгунов, командир отделения...

– Откуда ты такой?

– Как откуда? Из Карелии. – Казалось, боец удивился, мол, откуда еще? – Городок такой есть, Медвежьегорск, слышали? Рядом еще эти проживают, как их... финно-угорские племена.

– Оттого и резвый такой? – усмехнулся Шубин. – Жизнь научила быстро бегать от медведей и диких племен?

– Вроде того, товарищ капитан... Контузило меня на дороге, сознание потерял. А как очнулся, такой кошмар вокруг творится, тут еще Ломов из машины лезет... Вы не думайте, что я его вытаскивать не захотел. Мертвый он, гарантированно, удивляюсь, как из кабины вылез. А уж после того как граната рядом с головой рванула...

Беседу прервали пули, проповорвшие землю под носом у Прыгунова. Боец побледнел, отполз.

На поле лежала небольшая группа – все, кому удалось вырваться из смертельной ловушки. Красноармейцы отползали, вели огонь из автоматов и карабинов. На дороге появлялись диверсанты, которые сползали в канаву. Шубин приподнял голову. Мурашки побежали по коже. От дальнего леса на обратной стороне дороги отделялись фигурки и быстро смещались к шоссе.

– Тоже вижу, товарищ капитан, – подал голос Прыгунов. – Скоро вся банда подтянется. Давайте отползать, да живее, а то заруют нас к божьей матери...

По цепочке стали передавать: часть отходит, остальные прикрывают. Потом наоборот. Красноармейцы поползли к лесу. Кто-то вскрикнул, застыл: пули пропороли спину. Нашелся сообразительный – бросил гранату и пустился наутек, пока не рассеялся дым. Пример оказался заразительным: люди вышвыривали последние боеприпасы, пускались в бегство. Диверсанты не решались их преследовать, да и незачем. Цель достигнута: бензовозы уничтожены. Ветер сменил направление, и вскоре весь дым от горящей колонны был здесь, заволок открытое пространство. Люди бежали в полный рост, спешили к лесу. Опасность представляли лишь шальные пули. Но огня практически не было, раздавались лишь отдельные выстрелы – немцы сэкономили патроны. И, что противно, на всем протяжении этого ада, творившегося вокруг, по дороге не проехала ни одна машина! Личный состав стремительно погибал, а прийти на помощь оказалось некому. Возможно, кто-то и был на дороге, но предпочел не лезть под пули, ждал развязки событий... У самого леса Шубин подхватил под мышки ползущую Иду. Рана продолжала кровоточить. Но вроде не обильно, все четыре литра не потеряет...

– Ты в порядке, Ида... извини, не знаю твоего отчества?

– Марковна... – простонала девушка. – Не знаю, храбрый капитан, ползу, спасибо, что спросил...

Она шутила из последних сил, покрываясь мертвецкой бледностью. Но сама переставляла ноги, при этом сгибалась крючком. В лесу было проще, осины стояли густо. Но листва отсутствовала, пришлось уходить подальше. Глеб осторожно опустил девушку на землю, она свернулась, поджав ноги. Красноармейцы вбегали в осинник, кто-то залегал на опушке, другие углублялись в чащу.

– Прыгунов, живой? – спросил Глеб.

– Живой, товарищ капитан, что мне делается?

– Не знаю, с другими же что-то случилось... Сколько человек осталось?

– С десяток, товарищ капитан... – Сержант возник в поле зрения Шубина – полушубок распахнут, шапка на макушке. Он снова дышал так, словно пробежал утомительный марафон. – Тут пятеро ваших... ну, которые из вашей колонны, остальные наши – успели сигануть с машины... Правда, Вадька Еремеев ногу вывихнул, хромает, как старый пират...

– Что с противником?

– Там фрицы радуются, что колонну подожгли... К немцам подкрепление из леса подошло – в маскхалатах, вооружены до зубов. За подбитой техникой прячутся, нет им резона за нами гоняться. Думаю, уйдут скоро...

– Наблюдай за дорогой. Покричи там, есть у ребят аптечка?

Прыгунов принес аптечку через несколько минут. Постоял немного, сочувственно поцкал языком. Девушка вздрагивала, но была в сознании, смотрела пронзительно и с мольбой. В ней имелось что-то оригинальное, Ида была не такая, как все.

– Ну, готовься, Ида Марковна, буду раздевать. – Шубин опустил на колени, высыпал на землю содержимое медицинской сумки. – Если стесняешься, закрой глаза.

Лучше бы не шутил: она смеялась, и от этого становилось больнее.

– Не трогай, товарищ капитан, сама сниму...

– Только не вздумай полностью раздеваться. Фуфайку расстегни, задери гимнастерку... что там у тебя еще под ней?

– Под ней все только начинается... – простонала девушка. – Там сорочка, два комплекта нательного белья... Холода боюсь – в детстве один раз промерзла, теперь паникую каждую зиму...

Ох уж эти женщины... Она стонала, выгибалась, задирая окровавленную гимнастерку. Все, что было ниже, Шубин разрезал ножом. Он не очень-то хорошо знал анатомию человека. Возможно, пуля зацепила легкое или прострелила одну из почек. Ранение было сквозным, в чем имелись и плюсы, и минусы. Минус – большая потеря крови, плюс – не надо вытаскивать пулю. Он подложил под спину девушки камень, увенчав его собственной шапкой – эти бабы такие принцессы на горошине. Ида ерзала, обильно потела. Он скормил пострадавшей таблетку от боли, обработал рану, заткнул ее комком бинта, туго обмотал вокруг спины, скормил еще одну таблетку. Девушка пыталась улыбаться, смотрела с благодарностью. Ходить ей было противопоказано, и все же она норовила встать. Попытка закончилась плачевно.

– Смирись, Ида Марковна. Тебя ранили, – увещевал Шубин. – С санинструкторами это тоже случается. Бойцы смастерят для тебя волокушу, будешь перемещаться со всеми удобствами.

– Вы так ее обхаживаете, товарищ капитан, словно она вам жена, – заметил Прыгунов. – Ладно, молчу, я ничего не говорил.

Диверсанты вели себя нагло, самоуверенно, будто находились на своей земле. Со стороны дороги трещали выстрелы – немцы отгоняли какую-то машину. Водитель не разобрался в ситуации, ворвался в зону обстрела. Резко дав по тормозам, он стал разворачиваться на узкой дороге. Разбились фары, стекла в кабине. Но водитель был жив и яростно крутил баранку. Пули превращали в лохмотья брезентовый тент. В кузове находились несколько красноармейцев, которые успели произвести по паре выстрелов, прежде чем умереть. Пули пробивали бензобак, и «полуторка» вспыхнула и остановилась, перегородив движение в восточном направлении. Пламя перекинулось на кабину, и в считанные мгновения транспортное средство превратилось в факел. Диверсанты смеялись, живо комментируя ситуацию. Они не уходили – видимо, хотели убедиться, что топливо в бензовозах сгорело полностью. Одна из цистерн получила лишь незначительные повреждения. Диверсант бросил в люк горящую тряпку, скатился по лестнице и побежал к своим. Столб взвился в небо. Люди в халатах перекатились в канаву,

открыли огонь по лесу. Красноармейцы лежали, не отвечая. Нападать на горстку бойцов диверсанты передумали. Сделали попытку атаковать, получили раненого и откатились. Пока занимались эвакуацией пострадавшего, бойцы подстрелили еще одного. Немцы испытывали недовольство. Раздраженно покрикивал командир, критикуя подчиненных. Диверсанты, забрав убитых и раненых, стали уходить. Тела вытаскивали на специальных тряпочных носилках. Помешать им не могли – фашисты прикрывали свой отход. Действовали четко, по науке – быстро отступали к дальнему лесу. Как только они скрылись, в лесном массиве загремели взрывы, видимо, уничтожили минометы.

Шубин кусал губы. Это была не его операция, он случайно оказался в этом месиве. Возможно, он вел бы себя иначе, если бы отвечал за безопасность колонны. Но как уберечься от подобных ситуаций? С этой зимне-весенней кампанией было что-то не так. Действовали на волне успеха, не имея четких планов, необходимых сил, материального снабжения. Диверсанты в советском тылу чувствовали себя как дома, уничтожая то небольшое, что удавалось подвезти...

Через пять минут кучка людей вышла на дорогу. Красноармейцы прятали глаза, готовые умереть со стыда. Их вины в случившемся не было, но чувство испытывали омерзительное. Лучше бы умерли, чем эти адовы муки... Иду Левторович пронесли по полю и аккуратно пристроили на обочине. Девушка тяжело дышала, глядя в небо. Кровотечение остановили, но ей срочно требовалось медицинское вмешательство. Она перевела печальный взгляд на Шубина.

– Не говорите, товарищ капитан, понимаю, что произошло, не хочу смотреть на это...

Глаза наполнились слезами, она их закрыла, задрожала. В колонне все было безнадежно. Догорали бензовозы, скорбно застыли остовы машин. Повсюду лежали мертвые. Многие даже выстрелить не успели. Живых не осталось, очевидно, немцы добились раненых. На негнувшихся ногах Шубин подошел к своей «полуторке». Сердце тоскливо сжалось. Он забрался в изувеченный кузов, пристроился на свободном от крови участке. Только он и Ида успели покинуть машину, прежде чем в кузов влетела граната. Виталик Шендрик прикрыл собой Оксану, но это не помогло. Осколок попал ей в голову, выдрал клочок волос вместе с обломком кости. В глазах девушки застыло отчаяние. Эти люди только и успели понять, что произошло. От кровавого зрелища волосы вставали дыбом. Гоша Царьков, видимо, успел только подняться со своего места и рухнул с продырявленной грудью. Он, очевидно, стал что-то кричать – рот у него был открыт, глаза блестели. Капитан с перевязанной рукой даже подниматься не стал, понял, что не успеет спастись. Так и сидел, повесив голову на грудь. Кровь на коленях уже подсохла. Майор-артиллерист в бессильной злобе сжимал кулаки. В глазах безусого связиста застыл пещерный ужас. Молодость и быстрые ноги не помогли. Только усатый сержант сделал попытку оказать сопротивление, открыл огонь, привалившись к левому борту. Но быстро отстрелялся и повис головой к земле. «А ведь сразу мог догадаться, кто эти люди в санитарном обозе... – точил сознание Шубина подлый червячок. – Жалких секунд не хватило, чтобы взять инициативу в свои руки... Эх, ребята, что же мы творим, не бережем себя...»

Высшие силы, видимо, существовали. Но не для всех. К капитану Шубину они явно благоволители. Он знал, что когда-нибудь это кончится, найдет его законная пуля – возможно, уже отлита и покоится у кого-то в патронташе... Но пока так.

Представители армии и советских властей прибыли через двадцать минут. Ида размеренно дышала, умирать не собиралась, шептала, что все хорошо, она потерпит. Бог терпел и нам велел. Хотя какой, простите, бог? Разве он допустил бы такое, если бы существовал?

Тела красноармейцев стаскивали в одно место. Лева Прыгунов с бледным лицом сидел над мертвым другом. Он называл его Васяней, тряс и бормотал, что тот жив, он только что видел, как у парня дрожало веко. Он пытался реанимировать земляка, но все было бесполезно.

Со стороны Харькова прибыли две черные «эмки», грузовик с красноармейцами, чуть позднее похоронная команда на трофейном «двухтоннике» с железной будкой. Выжившие

понуру мялись на дороге. При появлении старших по званию стали строиться в шеренгу. Четверо бойцов НКВД не имели отношения к происшедшему, но уехать им было не на чем, они стояли и ждали дальнейших распоряжений. Из «эмки» выскочил рыхлый коротконогий майор, схватился за голову, обзрев остатки колонны. Он был смертельно бледен, челюсть тряслась. Очевидно, товарищ нес материальную ответственность. Майор срывался на визгливый крик, топал ногами. Ему как воздух требовался виновник произошедшего. Он пожирал глазами понурых красноармейцев, имевших наглость остаться в живых.

– Как такое допустили? Я вас спрашиваю, товарищи?! Почему позволили сжечь колонну с топливом? Вы понимаете, чем это обернется? Я вас всех под трибунал! Да я вас на месте расстреляю! – Он расстегнул кобуру, впрочем, пистолет вытаскивать не стал.

Майору не хватало выдержки, он прекрасно понимал, что трибунал грозит именно ему – по крайней мере, оргвыводы будут сделаны. Он продолжал наскакивать на бойцов, требуя от них объяснений. Красноармейцы отворачивались, что-то бормотали. Майор накинулся на Прыгунова, как на единственного представителя младшего командного состава. Боец смотрел на него исподлобья – бледный, неподвижный. Он вообще был ни при чем, весь его грех состоял в том, что он случайно оказался в колонне в момент нападения. Кто-то из бойцов пытался это объяснить, но «ответственное лицо» не желало ничего слушать, наскакивало на сержанта, подобно петуху. Как они посмели?! Где были их глаза?! А может, специально сдали колонну фашистским диверсантам? Ничего, следственные органы разберутся...

Прыгунов, набычившись, смотрел в глаза майору. Пока тот визжал, брызгал слюной, сержант не произнес ни слова, всем своим видом выражал пренебрежение.

– Товарищ майор, побойтесь бога, – робко произнес ефрейтор с изрытым оспинами лицом. – Столько наших погибло, как вы можете...

– Да мне плевать, сколько вас тут погибло! – взвился майор. – Не можете выполнять свои обязанности – погибайте, невелика потеря! Вы были обязаны отразить нападение...

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения Прыгунова. Он ударил майора в челюсть с короткого расстояния! Не вынесла душа. Майор отшатнулся, схватился за лицо. Явный перебор. Но в чем-то Прыгунов был прав. Майор взбесился окончательно, выхватил пистолет и передернул затвор. Прыгунов глубоко вздохнул, распрямил спину. Шубин перехватил руку с пистолетом, но, в принципе, мягко.

– Товарищ майор, не надо. Не делайте то, о чем потом пожалеете.

– А ты еще кто такой?! – взревел оппонент. Он готов был рвать и метать.

Шубин объяснил в нескольких словах, кто он такой, а также поставил майора в известность, что люди Прыгунова не имеют отношения к происшествию.

– На вашем месте, товарищ майор, я бы лучше отдал приказ прочесать вон тот лесок. Если поспешить, диверсантов можно догнать. Им предстоит далекий путь, а следы на снегу хорошо читаются.

– Будешь учить меня, капитан?! – Майор осекся под насмешливым взглядом Шубина, заскрипел зубами. Он сбавил пыл, поколебавшись, убрал пистолет в кобуру. – Эй, бойцы, взять этого мерзавца! – Он ткнул пальцем в застывшего Прыгунова. – В изолятор его! Следствие разберется, и эта тварь ответит за все! – заявил он и машинально потер саднящую челюсть.

Шубин был бессилен в данном случае. Он бы сам на месте Прыгунова (да и на своем месте) поступил так же. Но воинское преступление имело место: поднял руку на старшего по званию. Штрафные подразделения существовали уже год, в них и гибла подобная публика. Ладно, хоть не к стенке без суда и следствия. Он угрюмо смотрел, как бойцы разоружают Прыгунова, ведут к машине. Парень не сопротивлялся, сообразил, что перегнул палку...

Глава вторая

Два взвода красноармейцев в итоге вышли на тропу. Но это были поиски иголки в стогу сена. Время бездарно упустили. Похоронная команда собрала погибших. Их втаскивали в железную будку, укладывали друг на друга. Похоронщики накачали на своей службе неплохие мускулы. Иду Левторович Шубин лично отвез в госпиталь – одна из машин освободилась (красноармейцы убыли в лес и вряд ли могли вернуться до темноты). Водитель согласился сделать ходку в город. Парень оказался жалостливым, смотрел на девушку с сочувствием. Самостоятельно забраться в машину Ида не могла, пришлось подсаживать. Оказавшись в кузове, девушка от боли закусила губу и свернулась на полу. Въехали в Харьков. Небо затянуло тучами, казалось, уже вечер. Налетал ветер, сыпал колючий снег. Пострадавшая затихла, прерывисто дышала. Военные на въезде в город остановили машину, проверили документы. Вопросов не возникло. Здесь сходились многие дороги, движение уплотнилось, обыскивать каждую машину не могли физически. Все понимали: женщину нужно срочно везти в госпиталь.

Потянулась городская застройка. Многие дома имели разрушения, отсутствовали стекла в окнах. Жильцы закрывали проемы одеялами, забивали досками, чтобы хоть как-то сохранить тепло.

– На Сумскую улицу поедем, товарищ капитан! – крикнул из кабины водитель. – Это самый центр, военный госпиталь недалеко от площади Дзержинского!

– Устроит! – отозвался Глеб.

Сведения по городу Шубин имел отрывочные, восемь лет здесь не был. Улица Сумская, бывшая Либкнехта, считалась главной улицей Харькова. Она соединяла площадь Тевелева с парком Горького, далее тянулась к Лесопарку, а оттуда переходила в автодорогу, шедшую до Белгородской области. Площадь Дзержинского немцы переименовали в «Площадь имени Немецкой армии», но вряд ли это название устоялось. Мусор и обломки зданий с центральных улиц убрали, но город производил унылое впечатление. Проплывали мрачные здания. Некоторые строения остались в целости, другие лежали в руинах. По тротуарам бродили люди, похожие на тени. Городской парк выглядел жалко. Немцы планировали здесь зацепиться, рыли окопы. Большую часть деревьев уничтожила артиллерия. Валялись орудийные лафеты, обломки снарядных ящиков, стреляные гильзы. На перекрестке водитель остановился, ожидая, когда пройдет колонна по примыкающей дороге. С афишной тумбы свисали обрывки плакатов – их еще не сорвали. Русский текст призывал жителей записываться на «трудоустройство» в Германию. Прекрасные условия труда, достойная оплата, реализация всех своих профессиональных амбиций! Требовались медики, инженеры, квалифицированные рабочие. Эта кампания развернулась в городе чуть ли не с октября 41-го. Поначалу стелили мягко, брали только добровольцев, у них имелась прекрасная возможность изменить свою жизнь к лучшему. Обещали комфорт и радушный прием, уважение и заботу местного населения. По городу расклеивались афиши и плакаты, газета «Новая Украина» живописала счастливую жизнь харьковчан в Германии. Позднее уже не церемонились, появлялись предупреждения: в случае неповиновения будет применяться насилие. Людей увозили в Германию эшелонами – там они гибли от недоедания, от рабских условий существования. В Харькове оставались лишь те, кто не представлял интереса для промышленности рейха...

Госпиталь размещался в видном здании с классическими колоннами. Раньше здесь была областная больница. Здание почти не пострадало. Мины падали в саду перед лечебным учреждением, выворачивали деревья, но здание не тронули. Здесь было сравнительно тихо. Фронт ушел в район Ахтырки, везти оттуда раненых смысла не было. В беседке сидели раненые – любители никотина, держали оборону: на них наскакивала пожилая нянечка, кричала, что лучше бы от снега дорожки очистили, чем травить свои легкие в неполюженном месте. Госпи-

таль работал в штатном режиме. На крыльцо выкатили тележку с трупом, укрытым простыней. Шубин свистнул. Прибежали санитары, переложили Иду на носилки. Девушка стонала – могли бы обращаться аккуратнее. Вышел грузный мужчина в белом халате, с большой головой, умными глазами и массивным угреватым носом и бегло осмотрел девушку.

– Это вы привезли? – спросил он.

Шубин кивнул.

– Ну что ж, не вижу ничего ужасного, думаю, справимся, – проговорил мужчина. – Повреждения незначительные. Для нашей медицины это уже не является неразрешимой задачей. Доктор Разгонов, хирург, майор медицинской службы, – мужчина протянул руку.

Шубин пожал ее, тоже представился.

– Добро пожаловать в Харьков, молодой человек. В нашем госпитале проходят лечение около двухсот военнослужащих. Немцы уходили в спешке, ничего не взорвали, палаты, кроватный фонд, медоборудование – все целое. Мы с колес приступили к работе – саперы еще обследовали чердаки и подвалы. Пока неразбериха, но скоро войдем в ритм. Главное, здесь безопасно, Харьков уже в тылу. В общем, спите спокойно, молодой человек, с вашей девушкой все будет хорошо. Оставьте ее данные.

– Спасибо, доктор, она не моя девушка. – Шубин смутился. – Познакомиться не успели, вышла неприятная история с атакой вражеских диверсантов. Знаю, что она из Ленинграда, зовут Ида Левторович. Документы у нее при себе, девушка в сознании... Не возражаете, если вечером загляну? Если время, конечно, позволит...

– Не ваша девушка, говорите? – У доктора был незлой внимательный взгляд. – Как скажете, капитан. Конечно, заходите, будем рады. Моя смена только начинается. – Доктор не поленился дойти до урны и выбросить окурочок. – Парни, несите ее в операционную, посмотрим, что можно сделать. – Доктор Разгонов развернулся и, не попрощавшись, исчез в здании.

– Спасибо, капитан... – Ида лежала на носилках, пронзительно смотрела в глаза Глеба. – Правда, спасибо, вы хороший человек... – Рука соскользнула с носилок, коснулась его руки.

Мурашки побежали по коже. Шубин улыбнулся. Он отрешенно смотрел, как санитары вносят пострадавшую в здание. Нянечке с лопатой удалось загнать курильщиков в здание – они ворчали, что это безобразие, полицаи в селах и то ведут себя культурнее и гуманнее. За фигурной оградой сигналила санитарная машина. Водитель, доставивший Иду, махнул Шубину рукой и поспешил увести свою «лошадку». Въезжала новая машина. Правый борт, включая кабину, был живописно посечен осколками. Из здания потянулись зевающие санитары с носилками.

Шубин вышел за ограду, нашел скамью в заброшенном парке, закурил. Холода он не чувствовал: деревья и стены домов защищали от ветра. Он докурил, впал в оцепенение. Год и восемь месяцев идет война, а все никак не привыкнуть. Были люди – нет людей, только мертвые тела и память, как десять минут назад они смеялись, ругались, делали какие-то дела... Почему сломался «газик»? Почему подсели именно в эту колонну? Гоша Царьков и Виталик Шендрик живыми стояли перед глазами, только смотрели как-то грустно. Ведь командир не только посылает своих людей на смерть, но и заботится об их безопасности, как бы нелепо это ни звучало...

Он вышел из ступора, выбросил окурочок и через десять минут вышел на улицу Либкнехта (нынешнюю Сумскую), где дислоцировался штаб 133-й стрелковой дивизии...

До войны здесь работал райком. В войну – районная комендатура оккупационных властей. Здание при отступлении фашисты не взорвали, очевидно, рассчитывали вернуться. Гитлеровскую атрибутику собрали и сожгли в первый же день. Теперь ничто не напоминало о печальном прошлом. Кабинет на втором этаже был обжитым. Шкафы, стеллажи, канцелярский стол. На кушетке в углу – пыльное покрывало. Пыхтела переносная буржуйка, дым из выгнутой

трубы уходил в окно, завешенное одеялом. Невысокий морщинистый мужчина в форме полковника сидел на корточках и подкладывал в печку дрова. Они стреляли под ржавым коробом, как будто полковник горстями бросал в печь патроны.

– Входи, Шубин, не стой как незванный гость, – проворчал полковник, с лязгом закрывая дверку буржуйки. Поднялся с хрустом в суставах, чертыхнулся, запнувшись о березовую чурку. – Макарчук Василий Иванович, начальник дивизионной разведки. Дай-ка поглядеть на тебя, прославленный ты наш, трижды краснознаменный... – Полковник с ироничной ухмылкой обозрел гостя, не нашел, к чему придраться, протянул руку. – Проходи, падай куда-нибудь. Вот так и живем – где спим, там и работаем... ну или наоборот.

Шубин пристроился у стола, на котором лежала мятая карта, отражающая добрую часть Украины. Макарчук ногой смел дрова в кучу, одернул китель. Устроился на другом конце стола и стал раскуривать трубку – очевидно, хотел походить на Верховного. Он носил седые неухоженные усы, при этом находил время сбривать всю прочую растительность с лица.

– Бледный ты, – констатировал полковник. – Или всегда такой? Где твои взводные? В коридоре ждут? Ожидали троих – полный командный состав разведывательной роты.

– Их не будет, товарищ полковник, – сухо отчитался Глеб. – Погибли три часа назад.

– Вот незадача... – Макарчук помрачнел. – А ты, значит, выжил.

– Виноват, – сказал Шубин и подумал: «Я всегда выживаю. Люди сотнями мрут вокруг меня, а я живой. Совсем совесть потерял...»

Макарчук с мрачной миной выслушал рассказ, покачал головой.

– Да, прошла сводка. Жалко ребят, жалко потерянное горючее...

Потерю ребят он поставил на первое место, мысленно отметил Шубин. Обычно сожалеют об утрате материальных ценностей. Человеческая жизнь менее важна. Людей в Советском Союзе как грязи в деревне.

– Хорошо, что ты живой, – вздохнул Макарчук. – Ладно, что-нибудь придумаем. Есть у меня на примете пара хлопцев, пришлю их к тебе – присмотришь, может, подойдут. Молодые лейтенанты, оба полгода в армии, не из робких. А если выжили, значит не дураки, верно?

– Или повезло, – не по уставу ответил Глеб.

– Или так, – допустил полковник. – Да один хрен, – махнул он рукой, – что везучий, что невезучий – бомбам и снарядам это не объяснить... В общем, направлю их к тебе – сам решишь, подойдут или нет, ты человек опытный. Наши все погибли: капитан Ломакин – командир разведывательной роты, все комвзвода, замкомвзвода... В строю порядка шестидесяти ребят, а раньше было сто тридцать. Живут в общежитии Харьковского тракторного завода. Отсюда, если пешком, минут тридцать. Разбросало всех... – Полковник сокрушенно вздохнул. – В Харьков входили – еле на ногах держались, засыпали на ходу... В строевых частях осталось меньше половины списочного состава, от танков и орудий остались жалкие слезоточивые воспоминания. Наше счастье, что немцы находились в таком же плачевном состоянии и предпочли унести ноги. Потом их отодвинули за Ахтырку – там они и стоят, в себя приходят. А у нас ни сил, ни морального духа наступать нет. Нужны отдых и пополнение... В общем, рады, что пожаловал на наш фронт. Твоя задача: сформировать боеспособную разведывательную роту и уже послезавтра приступить к выполнению боевой задачи. Количество людей в подразделении определишь сам – должен понимать, что воевать следует не числом, а умением. Сам решишь, сколько взводов тебе нужно, два или три. Не забывай, что никто не отменял разведку боем, а это затратное предприятие в плане расхода живой силы, гм... Пойдешь за Ахтырку, это вот здесь. – Полковник ткнул карандашом в карту. – Поселок к западу от Харькова. Уверен, что в обозримом будущем туда передислоцируют нашу дивизию. Не век же в городе сидеть. Полк товарища Шалевича уже там, зарывается в землю. Осваиваем немецкий аэродром восточнее Ахтырки. – Макарчук сухо засмеялся. – Эти люди такие любезные, отступая, много чего оставили. То ли не успели нагадить, то ли вернуться рассчитывали, счи-

тая, что отдали Харьков на минутку... Но об этом поговорим позднее, сначала собери ребят. Поселишься на улице Архангельской, четырнадцать, это в двух шагах, по левому переулку. Ключ от квартиры возьмешь у сержанта на вахте, квартира тоже четырнадцать – скажешь, что мое распоряжение. Квартирный фонд огромен, несмотря на то, что многие здания разрушены. Поживешь пару дней, дольше не придется. Дом целый, квартира целая, нет ни воды, ни канализации, ни электричества. Спросишь у сержанта, где добыть воды. Ближе к ночи подгоню тебе ребят, обсудишь с ними ближайшие планы. Запомни фамилии: Комиссаров и Коваленко. Первый с Урала, второй местный, может быть полезен в качестве проводника по городу. С утра приступай к работе, сутки на формирование боеспособного подразделения, потом доклад и получение вводной. Понимаю, что времени мало, но где его взять? Чаю не предлагаю, сам сижу голодный, ума не приложу, где мой ординарец... Есть вопросы?

– Есть, товарищ полковник. – Шубин решился попросить, попытка не пытка. – Это связано с утренней атакой на топливный конвой... – Глеб замылся. – Есть один парень, весьма толковый, видел его в деле, невзирая на то, что он служит в НКВД. Сегодня утром он съездил по лицу целому майору...

– Замечательное начало, – похвалил Макарчук. – Я заинтригован, продолжай.

Глеб описал случившееся с Прыгуновым. Да, товарищ погорячился, мог бы этого не делать. Но он потерял земляка, не считая прочих ребят. А майор заслужил, думает лишь о своей шкуре. Шубин бы сам ему двинул. Чем меньше подобных майоров в Красной армии, тем крепче боеспособность. Возможно, Прыгунова еще не расстреляли. Если жив, то где-то за решеткой, что можно узнать, обладая связями, кои есть у начальника дивизионной разведки...

– Восхищен тобою, Шубин, – покачал головой Макарчук. – Мы еще толком не знакомы, а ты уже готов воспользоваться моим служебным положением. Я похож на человека, который повелевает особыми отделами и вытаскивает из дерьма преступивших закон?

– Вы похожи на такого человека, – сказал Шубин. – Но могу ошибаться. Это, кстати, не для меня – данный человек мне никто. Мы говорим о ценных кадрах. А бойца я видел в деле и был, мягко говоря, восхищен. Ну подумаешь, погорячился, стукнул не того. Майор ведь сам нарывался...

– Так, стоп, – поморщился Макарчук. – Еще чуток, и ты начнешь высказывать крамолу и подсядешь рядом со своим протезе. Я понял тебя, капитан. Если смогу – помогу. Если нет – не обессудь, твоего задиру никто за кулак не тянул. Можешь идти. Хотя подожди...

Полковника Макарчука что-то беспокоило. Он поглядывал на карту и с усилием отводил от нее глаза.

– Слушаю, товарищ полковник.

– Полагаю, в оперативной ситуации на фронтах ты не силен... Но о тебе говорили как о человеке умном и с интуицией. Есть мнение о создавшемся положении в восточной Украине?

– Мы наступаем, товарищ полковник, – растерялся Шубин. – И делаем это, насколько знаю, успешно, освободили Харьков...

– Давай без того, что известно, – поморщился главный дивизионный разведчик. – Операция «Звезда» Воронежского фронта по овладению Харьковом с горем пополам выполнена. Операция «Скачок» Юго-Западного фронта по прорыву в центральной Украине продолжается, взяты Красноармейск, Павлоград, наступление развивается в направлении Днепропетровска и Запорожья с целью выйти к Днепру... Тебя ничто не беспокоит? Можешь говорить все, что накопилось, репрессировать не буду.

Полковник исподлобья уставился на собеседника. Шубин чувствовал себя неловко. Макарчук ему льстил. Анализ ситуации на фронтах – не капитаново дело. Зачесалась спина – как раз в том месте, куда не достать руками.

– Не скажу, что меня это беспокоит, товарищ полковник, но немного смущает... Немцы не хотели сдавать Харьков, и на этом направлении, помимо вермахта, стояли две дивизии СС

и танковая группа. Но под натиском фрицы оставили город. Мы взяли Харьков на последнем издыхании – сами говорили. Войск мало, обозно-вещевое хозяйство отстает, с ГСМ беда. Но немцы отброшены, тоже потрепаны и вряд ли в ближайшее время соберутся взять реванш. А когда соберутся, мы успеем укрепиться. На юге же их поведение не совсем понятно: они оставили Павлоград, Красноармейск, хотя ничто не мешало их оборонять. Иногда создается впечатление, возможно, ошибочное, что нас заманивают в «мешок»...

– Значит, не один я такой, – расслабился Макарчук. – Мы можем что-то не знать о планах Ставки, но войска вынуждают идти вперед, при этом делается вид, что на юге ничего нет – ни Крыма, ни Черного и Азовского морей. Ни фронтовая, ни армейская разведка ничего не замечают. Почему нам с такой легкостью отдают земли? Есть данные, полученные из разных источников, и это тревожные данные. Они непроверенные, их невозможно проверить. Допускаю, что это дезинформация, но, скорее всего, нет. Дезинформация навязчива, а здесь мы видим то, что немцы как раз пытаются скрыть... Гитлер не хотел отдавать Харьков, призывал биться до последнего, но хитрый Манштейн настоял – и правильно сделал, иначе бы мы захлопнули в этом котле кучу войск. Манштейн явно планировал взять реванш и устроить ловушку. Он уводит свои войска не на запад, а на юг, при этом избегает больших дорог, где его бы видели. Эти части практически не были в боях, у них много артиллерии, бронетехники. Поступают сведения, что сегодня в Запорожье объявлен грандиозный шмон – город усердно зачищают части вермахта и СС, кого-то ждут. Есть предположение, что на встречу с Манштейном пожалует сам фюрер...

– Вот черт, – встрепнулся Шубин. – Жалко, что мы не там. Уж придумали бы способ дотянуться до гадины...

– Да иди ты, – отмахнулся Макарчук. – Что они собрались обсуждать? Явно не возврат Харькова, на это у немцев нет сил. Думаю, наоборот, с возвратом Харькова решили повременить, как и с восточными землями. А вот что касается центральной части Восточной Украины, где победоносно шествуют наша шестая армия и танковая группа Попова... Смотрю на эту карту, капитан, и не могу взять в толк, что мешает немцам заманить нас в ловушку, дать возможность пройти еще немного, а потом нанести удары со стороны Мелитополя и Херсона и полностью окружить наступающие группировки? Это будет катастрофа. А там и до сдачи Харькова рукой подать...

– То есть вы считаете, что противник нас активно дезинформирует? – насторожился Шубин.

– Почти уверен, – кивнул Макарчук. – Манштейн создает иллюзию отступления по всему фронту, и отход их оперативной группы от Северского Донца как бы тому подтверждение. Мол, спешат покинуть междуречье, где мы можем их разбить. Противник создает видимость, что переправляется за Днепр. Боюсь, командование клюнуло на приманку, капитан. Дай бог, если ошибаюсь. Но вся логика войны говорит об этом. Несколько раз я озвучивал свои подозрения комдиву. Увы, не имею права апеллировать выше через голову начальства. Меня не слышат, мол, напрасно паникую, мы же успешно наступаем, каждый день берем какие-то населенные пункты... Эх, капитан, вместо того чтобы отправлять тебя в Ахтырку, я бы снарядил твою группу под Кременчуг или Кривой Рог...

– Когда они могут ударить, товарищ полковник?

– Да черт их знает. Через день, через неделю. Могут вообще не ударить, и это подтвердит несостоятельность моих предположений. Ты пойми, капитан, план Ставки на этом участке весьма дерзок и, не побоюсь этого слова, авантюрен: одним ударом отсечь южную группировку немцев. Но они же не будут спокойно этого ждать и явно подготовят фланговый удар. Танкистам Попова до Запорожья осталось шестьдесят верст, они сами лезут в мешок, а командование только подгоняет...

Шубин задумчиво смотрел на карту. Полковник мог ошибаться, но во всем происходящем много странностей и неувязок. Юг Украины командование игнорировало, как будто его не существовало. А ведь там серьезные группировки, помимо тех, что находились в Крыму и были отведены с Днепропетровского направления. Крупные силы сосредоточены в Мариуполе, в Херсоне, по морю поступает подкрепление из Румынии. Об этом не могли не знать, на что рассчитывали? Никаких дополнительных сил вслед за шестой армией не следовало...

– Ладно, капитан, не морочь себе голову. Мы люди подневольные, что приказывают, то и выполняем. Вид у тебя какой-то замученный, капитан. Зайдешь на склад, получишь новое обмундирование. Задачу уяснил? Ступай.

К вечеру похолодало. Еще не стемнело, но из-за низкой облачности город накрыли сумерки. Падал колючий снег, стелилась поземка. Шубин добежал до нужного дома, переговорил с сержантом, исполняющим обязанности консьержа. Вооружившись ключами, поднялся по гулкой лестнице на третий этаж, заглянул в колодец между лестничными маршами. Идеальное место для желающих покончить с собой.

Квартира была небольшой, но с высокими потолками. Он с опаской вошел, потянул носом. Запах смерти ощущался и здесь – застарелый, казалось, въевшийся в предметы обстановки. Судя по интерьеру, раньше в квартире жили пенсионеры. Старенькая мебель, пыльные салфетки, прогибающиеся под ногами половицы. Лучше не задумываться, кто здесь жил и умер... На кухне было шаром покати. Зато имелся старинный медный примус с подобием конфорки и литра четыре керосина в бачке на полу. Капитан заправил устройство, поджег. Через минуту стало теплее – расслабились члены, закружилась голова. На пару суток горючки хватит. «Печку» можно было таскать с собой, что он и сделал, пройдя с нею повторно по квартире. В санузле находились баки с водой, сливное отверстие в полу. В вещмешке поскрипывало новое обмундирование, которое кладовщик выдал с такой неохотой, словно с себя снимал...

Вода нагрелась за полчаса. Мылся быстро, как новобранец, у которого над душой навис строгий сержант. Прилег на кровать, но, когда стал засыпать, вскочил. Спать рано, а с каким бы удовольствием он сейчас вытянул ноги часов на двадцать!

В квартире пожилых интеллигентов проживали и немецкие военнослужащие – витал в пространстве какой-то иноземный дух. Фото в рамочке запечатлело молодого человека в форме политрука, снимок был явно довоенным. В фото тыкали ножом – вырезали глаза. Но срывать со стены не стали, видимо, было лень, просто баловались. Снова холодало. Тратить керосин не хотелось. Шубин погасил примус, натянул выданную на складе фуфайку и покинул жилище...

Уже темнело, когда он вошел в госпиталь. Люди работали – с фронта снова везли раненых. Их таскали на носилках, на громоздких, плохо управляемых тележках. Вдоль прохода лежали тела, укрытые шинелями и солдатскими одеялами. Доктор Разгонов с папиросой во рту что-то внушал двум медсестрам – девушки были бледны, качались от усталости и недосыпания. Руки хирурга были по локоть в крови (видимо, проводил операцию), она уже подсохла и никого не смущала. Девчужки понятливо закивали и побежали по коридору. Доктор прислонился к стене, закрыл глаза. Пепел с тлеющей папиросы упал на пол. Доктор открыл глаза, обнаружил рядом смутно знакомого капитана и нахмурился. Глаза хирурга были сильно воспалены – как у вампира из буржуазных сказок для взрослых.

– Капитан Шубин, – напомнил Глеб. – Девушку привез три часа назад, сержанта медицинской службы Левторович. Вы провели операцию, доктор? Ей уже лучше?

– Ах да, – вспомнил Разгонов. Он смял пальцами прогоревшую папиросу. – Нечем порадовать, молодой человек. Операцию провели, можно сказать, успешно, но у больной открылось сильное внутреннее кровотечение. Мы приложили все усилия, но спасти ее не смогли... Такое случается, мне жаль. Она здесь. – Доктор указал на тело, укрытое серой простыней –

оно лежало в проходе среди прочих тел. – Мне жаль, – повторил Разгонов, всмотревшись в меняющееся лицо капитана. – Мы делаем все, что в наших силах, почти не спим, но мы не боги, вечное спасение не гарантируем.

– Но подождите, доктор, – растерянно пробормотал Глеб, – ее ранение казалось неопасным, могла самостоятельно передвигаться, шутила...

– Многие шутят, – вздохнул хирург. – Что еще делать, когда все хреново? Сегодня сбитого летчика оперировали, он ноги отморозил, пока до наших постов добрался. Не помогла ампутация, гангрена расплзлась. Знаете, как шутил, побасенки рассказывал? Мы от смеха умирали, когда ему ноги резали... Вашей Левторович удалили одно легкое. Второе тоже оказалось повреждено, и кровь пошла, когда уже закончили операцию. Если бы вы ее привезли на полчаса раньше, могли бы спасти. Да, такое возможно, человек не погибает от боли, находится в сознании, разговаривает... Потом все развивается стремительно... Она вам кто?

Ответа доктор не дождался, его позвали. На душе было скверно. Казалось, девушка на полу смотрит на него, может видеть сквозь непроницаемые предметы. Глеб присел на корточки, отогнул покрывало. Последние минуты Иды были страшны, она испытывала адскую боль. Лицо исказилось, таким и осталось после смерти. Глаза ей закрыли, но лицевые мышцы не расслабились. Смотреть на покойницу было страшно и больно. Действительно, кто она ему? Он поборол тошноту, укрыл девушку покрывалом и направился к выходу. Он был привычен к смертям, но сегодня что-то сломалось, грусть-тоска наполнила. В этот момент прибыла машина из морга, мрачные люди с носилками стали входить в здание. Видимо, больничный морг был переполнен, тела развозили по другим учреждениям. Пришлось пропустить носилки, а потом выскочить на улицу и отдышаться. Морозный воздух пошел на пользу, самочувствие улучшилось. Что он знал про эту Иду? Сама из Ленинграда, где сейчас проводятся попытки снять блокаду (и даже частично сняли), наверняка имеется молодой человек или имелся – война, люди гибнут миллионами. Могла быть замужем, и у нее могли быть дети... Хотя и вряд ли, не стала бы так смотреть на незнакомого капитана...

Он выкурил несколько папирос, пока шел по городу. Поскрипывал свежевывающий снег под ногами. До комендантского часа оставалось время, патрули не зверствовали. Мирные жители, приученные к «порядку», без нужды не показывались. Большого ликования при смене власти не отмечалось. Слишком многие сотрудничали с оккупантами, ожидалось массовые аресты, по крайней мере, горожане этого боялись. Но властям было не до них: люди еще не отдохнули, не прибыли подкрепления, даже обозы подходили нерегулярно. Войск НКВД в городе было немного, те, что вошли, занимались охраной важных государственных объектов.

В голову лезли разные мысли. Иногда Шубину казалось, что он уже умер, а все происходящее – картинки из другого мира. Ведь так не может быть! Он снова выжил, не получив ни царапины. Сколько человек находилось в кузове? Почему ему удалось выжить? По какому плану вещи происходят именно так? Кто наверху решает, кому жить, а кому умереть? Он ловил себя на мысли, что становится фаталистом. Не может бесконечно виться эта веревочка...

Он стал подниматься по гулкой лестнице. Звук шагов отдавался эхом. Перед глазами возник образ Кати Измайловой: бездонные глаза, хорошенькое личико. Где она сейчас? Виделись две недели назад, на другом фронте, словно в другом измерении, она сокрушалась, что не знает номера его новой части. Он сам не знал, но номер полевой почты медсанбата отпечатался в памяти. Глеб клялся, что сразу напишет. Прежние женские образы становились размытыми. Что с ними стало? С Лидой расстался, Настя Томилина тоже канула в небытие – дай бог ей выжить и пожить нормально. Последнюю он не любил, но привязался к ней. Она его любила, сходила с ума, когда не знала, где он. А потом в ней что-то надломилось, отношениям пришел конец... Надо написать Кате! Именно сейчас он этим и займется, а утром отдаст письмо в почтовую службу...

Что-то шевельнулось во мраке у двери его квартиры! Глеб вернулся в реальность, отпрянул к стене. Пальцы поползли к кобуре, отогнули застёжку. В подъезде кто-то был, да не один, а целых двое. А ему ничто не мешало проявить бдительность!

– Эй, не стреляйте, свои, – ахнула темнота. – Товарищ капитан? Капитан Шубин – это вы?

И все же он вынул пистолет. Рукоятка «ТТ» подмерзла, щипала кожу. Как он пропустил посторонних? Вот так однажды и отдаст концы...

– Да. Вы кто?

В полумраке вырисовывались очертания фигур. Двое мялись под дверью как бедные родственники. Одеты по форме, в телогрейках, вытесняющих шинели из обихода воюющей братии.

– Моя фамилия Коваленко, его – Комиссаров, мы лейтенанты, служили в полковой разведке. Полковник Макарчук к вам послал, дал адрес... Мы уже пять минут тут стоим, хотели уходить, потом слышим, кто-то поднимается...

Расслабился, вылетели из головы слова полковника! А ведь он обещал прислать «толковых ребят», а Шубин забыл.

– Рисковые вы парни, – пробормотал Шубин, отклеиваясь от стены. – Торчите тут, как тати в ночи. А если бы я палить начал? Уже знали бы, что есть на том свете...

– Ничего, товарищ капитан, узнаем еще, какие наши годы.

Глеб первым вошел в квартиру, включил фонарь, потом примус.

– На кухню проходите, товарищи лейтенанты. Только на ужин не рассчитывайте, даже чая не предложу – в этом доме шаром покати.

– Ничего страшного, товарищ капитан, – пробормотал второй лейтенант, Комиссаров, протискиваясь бочком на кухню. – Что толку от этой еды? Только поешь – через час опять хочется. У нас заварка есть, какие-то бублики, так что, если воду найдете и подогреете, будет здорово.

Он усадил парней за стол и, прежде чем поставить чайник на примус, оглядел своих гостей. Лейтенанты были молоды – хотя и не так критично, чтобы называть их юнцами. Михаил Комиссаров – выше ростом, сухопарый, с заостренными чертами лица. У него были редкие темные волосы, которые он постоянно зачесывал пятерней набок. Иногда он вздрагивал, крутил шеей – видимо, последствия контузии. Александр Коваленко был спокойнее, производил впечатление добродушного человека (скорее всего, ошибочное), имел крепкое сложение, густые, коротко стриженные светлые волосы. Он пил чай без спешки, дул на воду, хрустел «закостеневшими» бубликами. Комиссаров пару раз попробовал отпить чаю, но отказался от своей затеи, стал ждать, пока остынет.

– Товарищ полковник рассказал, что с вами произошло в дороге, – проговорил Коваленко. – Выжили только вы и медсестра...

– Она не выжила, – глухо обронил Шубин.

– Вот черт... – Коваленко озадаченно почесал за ухом. – Жалко... Бабам-то оно за что?

– Опустим тему, – поморщился Шубин. – Давайте о себе.

Они повествовали, а он присматривался к людям, мотал кое-что на ус. Молодость – не трагедия, дело проходящее. Комиссаров был родом из Обнинска, до войны отслужил срочную, окончил лейтенантские курсы. Под Москвой получил серьезное ранение, полгода валялся в госпитале, где озверел от тоски и безделья. На Дону командовал разведвзводом, проявил себя неплохо, там и получил обширную контузию, о которой до сих пор не может забыть. В 40-й армии второй месяц, брал с войсками Харьков, впрочем, не в качестве разведчика – исполнял обязанности командира стрелкового взвода. Лично водрузил красный флаг на райкоме партии, а потом еще полдня удерживал здание – немцы передумали его сдавать и решили отбить обратно. Формально приписан к остаткам разведывательной роты, из которой выбиты все командиры и половина личного состава.

Коваленко был из местных, до войны проживал в переулке Короленко, что в самом центре Харькова. Здесь окончил школу, отсюда уходил в армию, сюда и вернулся после демобилизации. Биография схожа: лейтенантские курсы, служба в пехоте. Успел повоевать против белофиннов, впрочем, уже на том этапе, когда Красная армия победоносно шествовала по Финляндии. Не женат, имел отношения. Но осенью 41-го девушка отбыла в эвакуацию за неделю до того, как немецкие танки ворвались в Харьков. Сам вошел в город в числе первых, сразу побежал в родной переулок Короленко.

– Представляете, товарищ капитан, мои родители по-прежнему тут живут! Прошли через все ужасы оккупации, такого рассказали... Отец сильно сдал, ходит с палочкой, но продолжает шутить. Мама ухаживает за ним, добывают еду, дрова, знакомый по заводу сварил буржуйку... Отец работал на Харьковском тракторном заводе, его построили в тридцать пятом, и отец сразу же туда перевелся с кузнечно-механического завода, возглавил инженерный отдел. Мама с ним работала, бухгалтером... Просто чудо, что остались живы, не верится. Многие соседи умерли от голода, замерзли, кого-то расстреляли, отправили в Германию... Дом почти не пострадал, в нем даже электричество не пропадало. В квартале размещались гестапо, комендатура, полицейский участок, поэтому перебоев с энергией почти не было... О нет, мои старики с оккупантами не якшались, – спохватился лейтенант. – Завод при немцах не работал, знания и умения отца немцам не требовались. Однажды попали в облаву – каратели искали подпольщиков, многих отправили в тюрьму, отца схватили, хотели выбросить на улицу, так мама вцепилась в него, кричала, чтобы обоих расстреливали... Те бы и расстреляли, дело нехитрое, да среди полицейских знакомый затесался, вступился за отца, его и оставили в покое. Позднее выяснилось, что этот человек работал на подполье, а служба в полиции ширмой служила... Товарищ капитан, возьмете нас к себе в разведку?

– Вы как погорельцы приюта выпрашиваете, – пошутил Шубин. – Возьму, по нраву вы мне. Хотя вы и не девицы, чтобы нравиться. Посмотрим, каковы вы в деле.

– Рота у тракторного завода дислоцирована, – обрадовался решению Шубина Коваленко. – Там бараков понастроили, когда завод возводили, до сих пор стоят. Немцы только парочку сожгли, с остальными все в порядке... Засиделись мы у вас, – спохватился Коваленко. – Ночь уж близится. Хорошо нам пропуски выписали для комендантского часа. Михаил в расположение пойдет, а мне разрешили у родни переночевать. К ним побегу – вон, продуктов собрал. – Лейтенант кивнул на вещмешок. – Вы же не местный, товарищ капитан, дорогу не знаете. В восемь утра подойду к вашему дому, вместе дойдем. Здесь пешком минут тридцать, трамваи и такси не ходят. А транспорт нам не выделяют, горючего нет, штабисты уже три дня пешком ходят...

– Уговорил, – кивнул Шубин. – Давно тут не был, забыл, куда идти. А сейчас выметайтесь, товарищи офицеры, вам еще по морозу топтать...

Глава третья

Коваленко опоздал на пять минут, прибежал запыхавшийся, с покаянной миной. Утро выдалось умеренно теплым, снег не шел.

– Виноват, товарищ капитан, патруль привязался! – прокричал лейтенант, выворачивая из-за угла. – Мурыжили, документы мои мусолили. Пройдемте, говорят, до ближайшей стенки. Вот же кретины.

– Ты вроде жив, – засомневался Шубин.

– Чуть не обделался со страха, – признался Коваленко. – Пришлось объяснить, используя все возможности русского языка, что они не правы. Хорошо офицер подошел, извинился. Их, видите ли, не устраивает, что военнослужащие бегают по городу в отрыве от своих подразделений. И поди пойми, чем они отличаются от диверсантов. Пойдемте, товарищ капитан, а то замерзли уже. Через площадь Дзержинского пройдем, здесь близко. Вы «Госпром» видели? Такого даже в Москве не строят. Стоит наша главная достопримечательность – ее никто особо не обстреливал.

Город просыпался, по заснеженным дорогам ползли обледеневшие «полуторки» и «эмки». Горожанка, закутанная в шаль, протащила санки с привязанными к ним баками. Мирные жители выходили на улицу, шли по своим делам. Вдоль дороги выселись монументальные здания. Раньше здесь были магазины – гастрономы, универмаги; сейчас витрины были разбиты, в стенах зияли провалы от попаданий артиллерийских снарядов. Центр Харькова когда-то был красив, у каждого здания свои архитектурные особенности. Сейчас все было серым, покалеченным. Даже целые строения казались ущербными. Чернели оконные глазницы – в этих помещениях никто не жил. Из других окон торчали трубы буржук. Народ отогревался. Для многих печки считались роскошью. Люди с нетерпением ждали весны, чтобы снять хотя бы часть проблем, связанных с отоплением.

На площади Дзержинского, переименованной оккупантами в площадь Немецкой армии, властвовал ветер, он гнул деревья. Катились пустые консервные банки, зияли выбоины в асфальте. На площади возвышался сложный архитектурный комплекс – нечто невиданное для современной советской архитектуры: «свечки» высотой не менее двенадцати этажей устремлялись в небо. Остекление было практически сплошным – но это раньше; сейчас, как и во всех домах, разбитых окон было больше, чем целых. Каждое высотное здание соединялось с соседними шестиэтажными перемычками, и все это представляло единый гигантский комплекс. Сооружения уцелели, лишь кое-где зияли выбоины, валялись горы мусора, деревья. Здесь было сравнительно многолюдно. У подъезда стоял грузовик – люди в форме что-то разгружали.

– Вот оно, – с важностью сказал Коваленко. – «Госпром», архитектурная гордость Харькова. Нигде такого нет, даже в Москве. Сущий конструктивизм и море железобетона. Повреждения незначительные, восстановят. Внутри загадили, но тоже не проблема.

– Я слышал, в этом комплексе работало правительство Украины? – вспомнил Шубин.

– Точно, – согласился лейтенант. – Эту красоту поднимали шесть лет, с тысяча девятьсот двадцать восьмого по тысяча девятьсот тридцать четвертый. В муках творение рождалось. Сколько было споров, переделок, согласований... Комиссии из Москвы одна за другой ехали. Знаменитый человек возглавлял проект – Алексей Бекетов, известный архитектор. Он, кстати, в эвакуацию не уехал, здесь в сорок втором и скончался от голода. Я еще мальком был, когда строительство шло, но все помню. Харьков был украинской столицей – красивее Киева, красивее всех прочих городов. А какая здесь промышленность! Третий город в Союзе после Москвы и Ленинграда. Ведь было же чем гордиться, верно, товарищ капитан? В «Госпроме» работал Совет народных комиссаров Украины. Строительные работы еще шли, а комплекс уже функционировал.

«Именно здесь в тридцать третьем году пустил себе пулю в лоб председатель правительства СССР Скрипник, – подумал Глеб. – Не стал дожидаться, пока за ним придут».

– Потом столицей стал Киев, – продолжал просвещение Коваленко. – А в «Госпроме» обосновались местные власти. Внушительно, согласитесь? Ничего, отстроим, отремонтируем, еще красивее станет. Мы же не немцы. Они, когда эту площадь заняли, конюшню в «Госпроме» устроили, просто варвары... А выше – представляете, – Коваленко засмеялся, – при немцах обезьяны жили. Самые настоящие обезьяны: шимпанзе, макаки, мартышки. Зоопарк под боком разбомбили, а жить где-то надо, вот обезьяны сюда и перебрались. Обосновались, жили как все, детишек рожали, у немцев еду воровали. Никак их выгнать не могли, и сейчас где-то прячутся, там ведь миллионы закутков и помещений... Пойдемте через комплекс. Дальше улица Анри Барбюса, выйдем на Сумскую... то бишь Либкнехта.

Массивные здания из стекла и бетона оставались позади. Немцы эту площадь обороняли вяло, разрушений почти не наделали. У входа в подвалы стояли красноармейцы с автоматами. Навстречу через мостик двигалась колонна. Бойцы с автоматами гнали задержанных. Люди шли с опущенными головами, кто-то в немецких шинелях, кто-то в штатском, небритые, с опухшими лицами. Пришлось остановиться, пропустить процессию. Люди проходили мимо, потупив взоры, по сторонам почти не смотрели. Молодые лица сменялись пожилыми, морщинистыми, двое прихрамывали, кто-то прыгал на костыле, а поврежденная нога неестественным образом торчала вбок. В колонне находились раненые с окровавленными бинтами. На лицах людей застыло обреченное выражение. Лишь один из них – рослый, с окладистой бородой и роскошным синяком под глазом – смотрел дерзко, с презрением. Он встретился глазами с Шубиным и не отвел взгляд – брезгливо сморщился и плюнул под ноги.

– А ну шевелитесь, чего плететесь как сонные мухи! – прикрикнул конвоир. – Не выпались? Ничего, на том свете отоспитесь!

Над толпой прошелестел недовольный гул. Бородатый открыл рот, чтобы ответить дерзостью, но передумал, закрыл. Видимо, появление второго синяка посчитал излишеством. У этих людей были славянские лица. С мостика колонна свернула к задним дворам «Госпрома». Красноармейцы у входа в подвал ждали именно их.

– Полицаи, – лаконично объяснил Коваленко. – Продолжают отлавливать. Видно, ночью предприняли попытку вырваться из города. Расстреляют, к бабке не ходи, куда еще эту публику девать? Соберут побольше, вывезут за город и расстреляют. Пойдемте, товарищ капитан...

Улица Сумская практически не пострадала. Здесь раньше размещались гестапо, городская комендатура. Теперь вновь вернулась советская власть, кипела жизнь. Нацистскую атрибутику выбрасывали из окон, сгребали в кучи и сжигали. В глубине здания играл патефон, красиво пел Марк Бернес. Ветер гнал вдоль дороги обрывки немецких плакатов, призывающих граждан записываться в полицию. У жилого дома мужчина детским совком собирал снег в ведра – хоть такая вода.

Коваленко продолжал ликбез. Родители, пережившие оккупацию, много рассказали. Соглашателей и коллаборационистов в Харькове оказалось с избытком. Откуда столько? Видимо, копилось у людей недовольство советской властью из-за голода, репрессий, скудного снабжения. Но при чем тут советская власть? Коммунисты все правильно делали: уничтожали мироедов, кулаков, буржуев, тайных заговорщиков – именно они довели людей до ручки своей подрывной деятельностью. Без этого сброда страна давно бы процветала и являла пример всему миру! Немцы, войдя в город, стали создавать органы военного управления. Вся власть принадлежала комендатуре. Последняя выпускала приказы, распоряжения и контролировала их выполнение органами местного управления. Немцы разбросали отделы комендатуры по всему городу. С отдалением фронта сформировали комендатуру армейского тылового района. И сразу бросили клич: все желающие могут записаться в шуцполицию – вспомогательную полицию. Кадрового голода шуцманшафт не испытывал. Харьковских сотрудников полиции

называли хильфсполицаями. Штаты укомплектовали полностью – из местных добровольцев. Во главе подразделений вставали украинские националисты, прибывшие с Западной Украины. У них в ходу были словечки: «самостийность», «незалежность» – они ратовали за отдельное независимое государство Украину, но при этом активно сотрудничали с оккупантами и вылизывали им пятки. Полицейские проводили карательные рейды, нагоняли страх на население.

– Разный там был сброд, – бубнил Коваленко. – Были трусы, были идейные, всякая уголовная шпана, записывались пленные красноармейцы – многие потом сбежали, чинили пакости бывшим хозяевам... В Харькове действовал подпольный обком ВКП(б)У. Мои родичи пару раз выполняли для них поручения. Подпольщики специально отправляли на службу своих людей, чтобы выведывать вражеские планы. С ними и советские разведчики работали: добывали секретные документы, склоняли полицаяв к дезертирству. Однажды накрыли группу – два часа шла перестрелка, а как всех поубивали, полетели головы полицейского начальства и даже клятых западенцев... А позднее всех, кто прибыл с запада, фрицы репрессировали – до кучи, чтобы не очень мнили из себя. Одних расстреляли, других за решетку упрятали до лучших времен. Теперь сидят у нас в плену и плачутся: дескать, немцы нас гнобили, теперь вы гнобите...

За перекрестком, у сквера, сохранился сколоченный из досок помост. Сюда сгоняли население и вешали приговоренных к смерти. Покидать мероприятие до его окончания гражданам воспрещалось под страхом того же повешения.

– У здания областного комитета партии то же самое было. Вешали прямо на балконе над парадным крыльцом – в основном подпольщиков, отловленных партизан. Лютое зрелище, товарищ капитан... Дети плачут, бабы орут, паника, народ разбегается, давка, немцы стреляют по верху голов, а то и по людям... В плане убийств немцы большими выдумщиками были. Пригнали специальный автомобиль с герметичным кузовом, «газенваген» называется. Сначала никто не понимал, что за штука ездит по городу. А это машина для уничтожения людей, душегубка, проще говоря. Набивают в кузов толпу людей, запирают, пускают угарный газ – и все умирают в корчах... – Лейтенант передернул плечами. – Всякий раз, как представлю, так мороз по коже... Могли обычных людей на улице хватать, убивать для устрашения прочих – национальная забава у них такая... И вы еще не знаете, что тут с евреями происходило...

Шубин слушал не перебивая. Харькову досталось. Ленинградцам в блокаду тоже выпала несладкая жизнь, но в их город хотя бы немцы не заходили. В декабре 41-го всех евреев по велению коменданта обязали переселиться в район ХТЗ. В те самые бараки для временного проживания, куда Коваленко вел Шубина. Там и устроили еврейское гетто. Каждый день из него вывозили несколько сотен евреев и доставляли на расстрел в Дробицкий Яр. Уже через несколько месяцев в гетто никого не осталось, и оно прекратило существование. Но расстрелы в Дробицком Яру продолжались – убивали военнопленных, недовольных властью, психических больных. Сколько тысяч там сгинуло, никто не считал. И упомянутый яр не единственное место, где уничтожали людей. Много было мест: Лесопарк, Холодногорская тюрьма, Салтовский поселок, где уничтожали пациентов клиники «Сабурова дача»¹, гостиница «Интернационал» в самом Харькове. А вдоль улиц Сумской и Благовещенской не осталось фонарного столба, на котором бы не висел человек...

– Жрать было тупо нечего, товарищ капитан. Немцев эта тема не заботила. Городские власти тоже. Поставки продовольствия почти не осуществлялись – только властям и их прихлебателям. У меня отец похудел на тридцать кило, мама тоже еле ходит. Ели кормовую свеклу, шелуху картофеля. Казеиновый клей употребляли, он чем-то похож на свернувшееся молоко. Домашних животных съели по всему городу – вы видели хоть одну собаку? Говорят, на рынке продавали человеческое мясо, хотя за это даже немцы наказывали. Люди опухали, с трудом

¹ Харьковская областная клиническая психиатрическая больница.

ходили. В Ленинграде видел, как люди впрягаются в санки и везут своих умерших родных и близких. И в Харькове та же картина, а это город с миллионным населением! Сил не было похоронить, да и земля мерзлая, вот и оставляли тела в парках и скверах. А если кто-то на окраине жил, то в окрестных лесах. Когда-нибудь подсчитают, сколько людей погибло, а сейчас даже представить страшно...

– Твои-то как перебивались?

– Смекалкой, – усмехнулся лейтенант. – В Харькове рынки работали, их тут много: Благовещенский, Конный, Рыбный, Сумской... Как началась оккупация, деньги вообще не принимали, только натуру. Всю мою детскую одежду на продукты обменяли. У родителей странность была: ничего не выбрасывали, аж с моего младенчества, все в кладовке хранили. Помню, ссорился с ними: на хрена вы это барахло держите? Отец на днях пошутил: теперь понимаешь, на хрена? Свою одежду сбывали – а у мамы были красивые платья, да и шуба ничего такая. Часть мебели продали, всякие лампы, торшеры, подсвечники, ювелирные побрякушки. Не зажиточные они, но кое-что скопили за долгую жизнь... Потом деньги вернулись в оборот – распечатали кубышку. Цены взлетели. Килограмм ржаного хлеба – двести двадцать рублей. Пшеница – еще выше, картошка – сто. Сахар вообще под тысячу, такие продукты и не покупали. А средняя зарплата шестьсот рублей, как вам это нравится? Немцы даже не заморачивались, оставили в ходу рубли. На такую зарплату на рынке не разгуляешься. Только на макуху хватало, это жмых, то, что остается после выжимки масла из семян. Не разжиреешь на такой еде. Но через год и кубышка кончилась. Не сидеть же, дожидаясь голодной смерти? Мама что-то шила соседям. Отец на авантюру пустился. Многие ездили в село: собиралась группа граждан, на телегу – и в окрестные села. Часть вещей еще осталась, вот и сбавивал отец сельчанам старые шмотки. Пиджак – два пуда муки, золотые часы – пара буханок хлеба, старый плащ – килограмм сала. Могли разбойники напасть и все отобрать, могли полицаи на посту порыться в вещах и забрать то, что им приглянулось. Но кое-что довозил до дома, как-то тянули.

– Молодцы они у тебя, – похвалил Шубин.

– Творческие люди, – осклабился Коваленко. – Они ведь не старые, рано меня родили. Отцу пятьдесят шесть, мама на год моложе. Ослабли, конечно, но раньше знаете как бегали? В Германию их хотели забрать. Накапала какая-то гнида, что есть пара крепеньких людей, могут еще послужить великому рейху. Полицаи нагрянули и очкарик из СС. Пришлось спектакль разыгрывать: папаня кашлял, как чахоточный, за стену хватался; мама полуслепую из себя изображала. Очкарик как увидел их немощь, его чуть не вырвало – развернулся, ушел. Полицаи злые были, хорошо, стрелять не стали – обматерили и тоже за дверь... Давайте поднажмем, товарищ капитан. Скоро девять, а нам еще два квартала пахать. Войска ждут смотра, так сказать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.